

Майкл Вуд

4000 лет
КИТАЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОДНЕБЕСНАЯ

18+

Майкл Вуд

**Поднебесная: 4000 лет
китайской цивилизации**

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 94(510)
ББК 63.3 (5Кит)

Вуд М.

Поднебесная: 4000 лет китайской цивилизации / М. Вуд —
«Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-00-223766-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Автор описывает историю Китая с древних времен и до наших дней, опираясь не только на известные научные факты и последние археологические открытия, но также на дошедшие до нас письма, в том числе эпохи династий Цинь и Тан, на личные дневники, на свидетельства ныне живущих людей, рассказывающих о прошлом на основании семейных документов и устных преданий. Благодаря этому многовековая история Китая предстает как история людей – живая, драматичная и захватывающая.

УДК 94(510)
ББК 63.3 (5Кит)

ISBN 978-5-00-223766-1

© Вуд М., 2020
© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Предисловие	11
Пролог	15
Глава 1	23
Корни китайской цивилизации	26
Доисторические времена: Первые ростки цивилизации	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Майкл Вуд

Поднебесная: 4000 лет китайской цивилизации

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Максим Коробов*

Научный редактор: *Марк Ульянов, канд. ист. наук*

Редактор: *Андрей Захаров*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Александра Казакова*

Дизайн обложки: *Алина Лоскутова*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Корректоры: *Ирина Панкова, Юлия Сысоева*

Верстка: *Андрей Фоминов*

© Michael Wood, 2020

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

* * *

МАЙКЛ ВУД

ПОДНЕБЕСНАЯ

4000 ЛЕТ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Перевод с английского

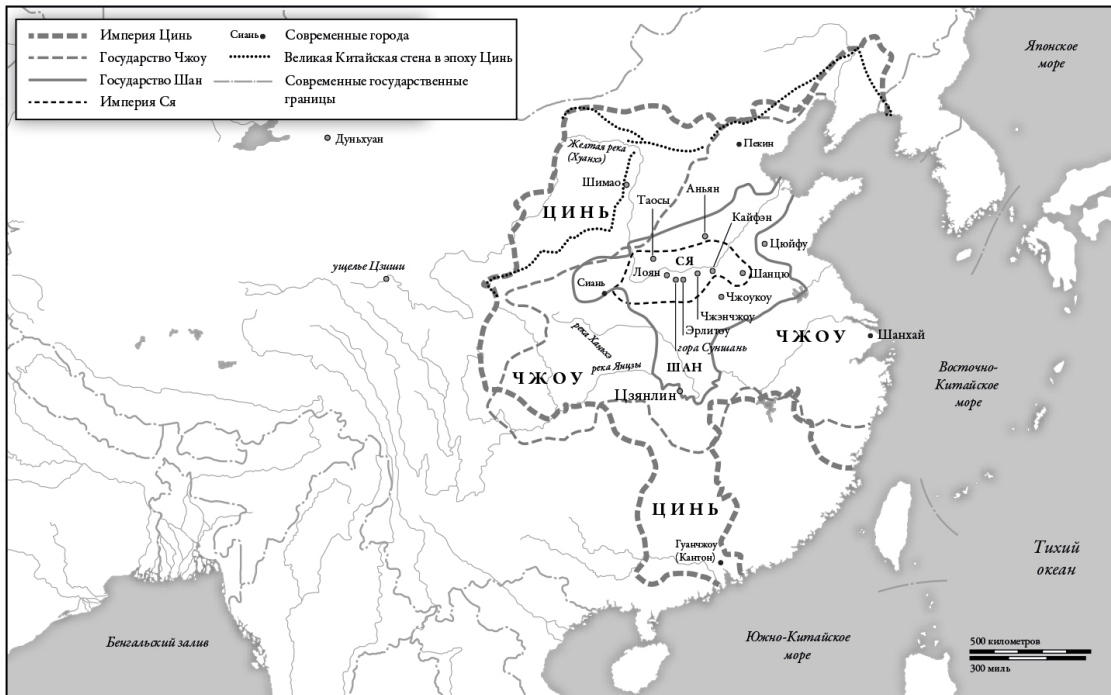
Москва, 2025

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент

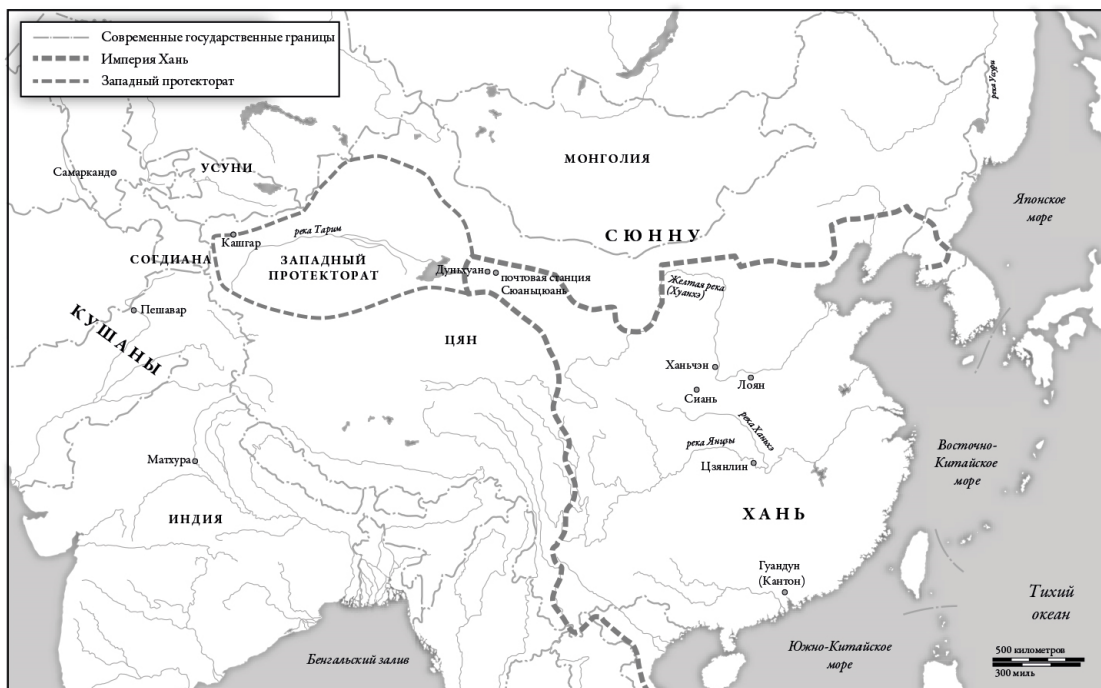
станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

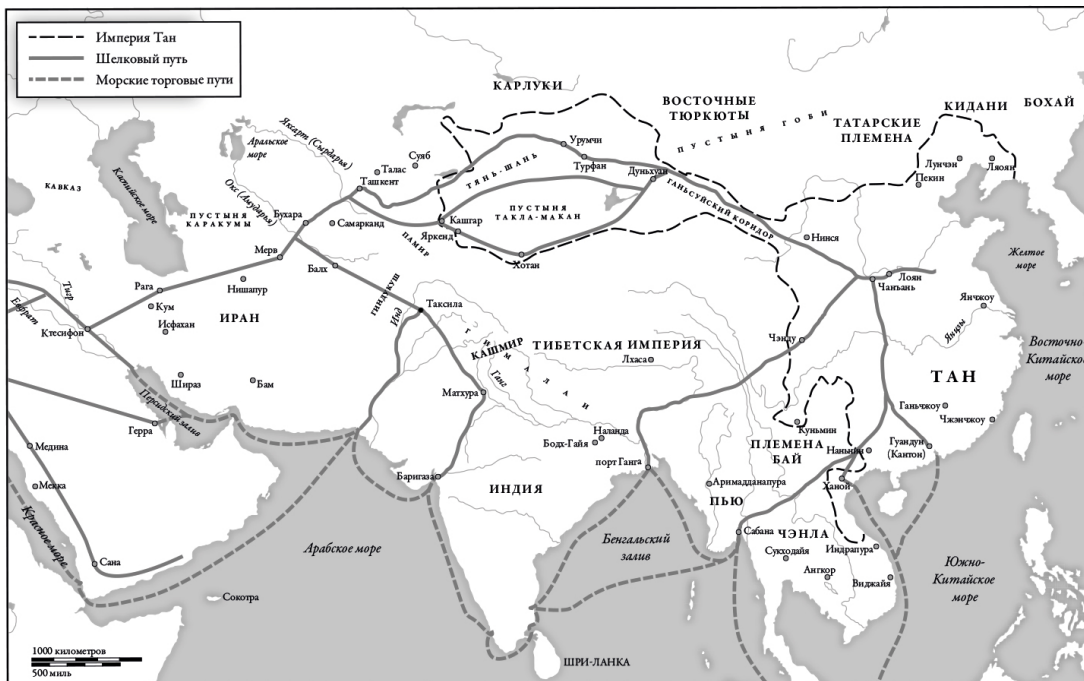
Посвящается Ребекке

Ранний Китай, ок. 2000 г. до н. э. – 206 г. до н. э.

Хань, 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.

Шелковый путь и эпоха Тан, 618–907 гг.

Северная Сун, 960–1127 гг.

Мин, 1368–1644 гг.

Империя Цин, 1644–1912 гг.

Современный Китай

Предисловие

Эта книга есть плод моего долгого увлечения Китаем, начавшегося еще в школьные годы в Манчестере с «Поэзии поздней Тан» Энгуса Грэма – одного из тех сочинений, что открывают перед читателем окно в мир, о существовании которого он раньше и не догадывался. Позднее, в годы аспирантуры в Оксфорде, мне довелось жить под одной крышей с синологом, и это стало временем новых открытий, познакомивших меня с такими удивительными работами, как «Книга песен» Артура Уэйли. Среди потрясающих личностей, бывавших у нас в гостях, оказался Дэвид Хоукс, который присутствовал на площади Тяньаньмэнь в тот самый день 1 октября 1949 г., когда была провозглашена Китайская Народная Республика, и который не так давно покинул профессорский пост преподавателя китайского языка, чтобы заняться переводом «романа тысячелетия»¹ – знаменитого «Сна в красном тереме» (история этой книги будет рассказана мной далее; см. главу 15).

С тех пор и на протяжении более четырех десятилетий я неоднократно посещал Китай в качестве путешественника и телеведущего, работая, среди прочего, над серией фильмов «Китайская история», которая демонстрировалась по всему миру, а затем, в 2018 г., – над документальным циклом, посвященным сороковой годовщине политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина, ставшей одним из самых значительных событий новейшей истории.

Наконец, совсем недавно, осенью 2019 г., я еще раз приехал в Китай, чтобы снять фильм о его выдающемся поэте Ду Фу, причем эта поездка, пусть и с некоторым опозданием для настоящей книги, предоставила мне еще одну возможность задуматься о древности китайской культуры и ее непреходящих идеалах.

Мы проводили съемки в городе Чэнду, где Ду Фу с конца 759 г. жил на протяжении почти четырех лет. Сегодня место, где предположительно располагалась его тростниковая хижина, является одной из самых очаровательных и популярных у туристов достопримечательностей Китая, привлекая своими декоративными ручейками и садами, бамбуковыми зарослями, персиковыми и сливовыми деревьями, которые перемежаются желтыми проблесками цветков лапея и жасмина. Реконструированные здания, павильоны и сувенирные лавки могут показаться посетителю начисто выдуманном прошлым, но не так давно, после одной случайной находки, сделанной во время прокладки водоотвода, на территории туристического комплекса удалось обнаружить фундамент небольшого буддистского монастыря эпохи Тан с домами и вымощенными кирпичом площадками – точь-в-точь такими, как их описывал Ду Фу.

В надписи на табличке, датированной 687 г., упоминается даже «небольшая пагода старшего монаха»: это, по-видимому, то самое сооружение «к западу от реки», которое Ду Фу называет «пагодой монаха Хуана». Вместе с керамической посудой и глиняной утварью, фрагментами черепицы и покрытыми орнаментом и изображениями кирпичами эпохи Тан эта находка в деталях подтверждает традицию, стойко передаваемую на протяжении более 1200 лет.

Несмотря на неоднократные разрушения и последующие восстановления, перед нами предстает то самое место. Сегодня на поверхности не осталось ничего, что отличалось бы хоть какой-то древностью, но в Китае значимы отнюдь не материальные элементы конструкций и сооружений. Сам дух места порождает легенды, песни и стихи, передаваемые через поколения и становящиеся сокровищами; именно это Конфуций называл «нашей культурой»².

Однако писать о китайском прошлом – нелегкая задача, особенно для того, кто не является профессиональным синологом. Китай – огромная и невероятно богатая, поистине неис-

¹ Hawkes (trans.) (1973).

² Словосочетание заимствовано из знаменитого фрагмента *Лунь юй* Конфуция, 9.5. См. Leys (1997), 39. На эту тему см. также Vol (1992), 1–6.

черпаемая тема, «другой полюс человеческого разума», как выразился Симон Лейс в своем знаменитом эссе³.

История Китая необъятна: на тему каждой из глав моей книги написано столько трудов, что их хватило бы на целые небольшие библиотеки! И эта история расширяется с каждым днем благодаря потоку новых открытий, не иссякающему в последние годы⁴. Среди множества недавно обнаруженных текстов, которые все еще находятся в процессе первичного изучения и подготовки к публикации, имеются, например, потрясающие собрания частных писем, законодательных сводов и судебных дел, восходящих ко временам империй Цинь и Хань (III в. до н. э. – III в.).

После открытия Терракотовой армии в гробнице Первого императора, которое было сделано в 1974 г., состоялось множество других сенсационных археологических находок – таких, например, как удивительная и доисторическая обсерватория, обнаруженная на археологическом памятнике бронзового века в Таосы (2600–1800 гг. до н. э.) в долине реки Фэньхэ в провинции Шаньси. Хотя многие из них еще только предстоит ввести в научный оборот, я попытался по возможности давать самые свежие описания: в частности, предварительная интерпретация поразительных находок на более северном памятнике Шимао (2300–1800 гг. до н. э.), излагаемая в первой главе, была предложена проводившими раскопки археологами только в 2017 г. Ранний период китайской истории остается особенно интересной и постоянно развивающейся областью исследований.

Что касается формата этой книги, то я в манере кинорежиссера старался следовать основной линии повествования, делая время от времени отступления для съемок крупным планом, то есть выделяя отдельные места, эпизоды и биографии, предоставляя слово большим и малым. Описывая жизнь обычных людей в самом начале своего рассказа, я с благодарностью пользовался новыми находками, подобными личным письмам солдат империи Цинь – той самой Терракотовой армии, какой она была в реальности, – или письмам из дальних гарнизонов империи Хань, охранявших одинокие сторожевые башни на диких просторах вдоль Шелкового пути.

Такой метод обеспечивает тот уровень непосредственного восприятия событий, которого мы, британцы, достигли благодаря деревянным табличкам из крепости Виндоланда у Андрианова вала. От империи Тан остались письма, которыми обменивались буддийские монахи в Китае и Индии. Что касается более поздних периодов, то в нашем распоряжении имеются переписка матери и дочери, застигнутых врасплох ужасами маньчжурского завоевания; детский дневник, написанный во время Тайпинского восстания; записки сохранивших верность правительству сельских чиновников-конфуцианцев в закатные дни Последней империи; личные дневники и письма с рассказами о Ихэтуаньском восстании (1899–1901), вторжении японцев и «культурной революции». Во всех этих случаях, как заметит читатель, я постоянно использую метод «вида из деревни», полагая, что большую историю можно эффективно осветить при взгляде с самой земли.

Нередко на ход повествования так или иначе влияли мои личные предпочтения, из-за чего в книге встречаются порой довольно пространственные фрагменты, посвященные отдельным личностям: например, буддийскому паломнику Сюань-цзану, чье путешествие в Индию послужило началом одного из важнейших эпизодов культурного обмена в истории; поэтам Ду Фу и Ли Цинчжао, которые жили в эпоху катаклизмов, охвативших империи Тан и Сун; «вольному и беззаботному страннику» Сюй Сякэ, ставшему свидетелем заката империи Мин; самому любимому писателю-романисту Китая, трагичному писателю Цао Сюэциню, творившему посреди великолепия XVIII в.; пламенным феминисткам-революционеркам Цю Цзинь и Хэ Чжэнь, дей-

³ *The Burning Forest* (1988), 42. Его книги – от *Les Habits neufs du président Mao* (1971) до *Chinese Shadows* (1978) – были и остаются ободряюще скептическим ориентиром для моего поколения студентов, журналистов и историков. См. также его великолепный и пронизанный гуманизмом сборник эссе: Leys (2013).

⁴ Leys (2013) 285–301; Mote (1973).

ствовавшим на закате империи. Живые и мощные голоса всех этих людей, донесенные до нас великолепными переводчиками на английский язык произведений китайской литературы – среди них Патрисия Эбри, Рональд Эган, Джулиан Уорд, Дэвид Хоукс, Дороти Коу и многие другие, – позволяют нам вплести эти драматические личные истории в рассказы об их временах.

Я также пользовался свидетельствами ныне живущих людей, рассказывающих о прошлом на основании семейных документов и устных преданий, в которых описывается участие их предков в великих исторических событиях: таких, например, как крушение империи Юань, Тайпинское восстание, ставшее самой кровопролитной войной XIX в., или «культурная революция» 1966–1976 гг. В частности, в моем тексте читатель найдет свидетельства семейства Бао из деревни Таньюэ, аристократического клана Се из уезда Цимэнь, представителей рода Чжао из провинции Фуцзянь, семейств Фэн из уезда Тунчэн, Чжан из провинций Хэнань, Фуцзянь и Хунань, Цинь из округа Уси.

Зафиксированные в бережно хранимых семейных летописях-ксилографиях и, как и прежде, передаваемые из поколения в поколение, эти истории позволяют нам получить представление о той глубокой культурной преемственности, которая по-прежнему ощущается многими китайцами, несмотря на все пережитые ими грандиозные перемены. В последней главе, описывая события, последовавшие за смертью Мао Цзэдуна, я мог опираться на материалы интервью, которые были взяты в 2018 г. у непосредственных современников политики «реформ и открытости», запущенной сорок лет назад: бывших университетских студентов из Пекина и Шанхая, партийных функционеров из промышленного Гуанчжоу, крестьян с «бесплодных земель» аграрной провинции Аньхой – эпицентра драматических событий 1978 г., когда люди отвернулись от маоизма и бросились в объятия рынка. Проведенные во всех этих местах несколько месяцев 2018 г., пришедшиеся на подготовку этой книги и посвященные осмыслению событий минувших сорока лет, а также беседы с живущими там людьми, смогли, как я надеюсь, придать моему повествованию об этом критически важном периоде перемен оттенок непосредственной причастности, которого можно добиться лишь благодаря свидетельствам очевидцев.

Кроме этого, я старался привязать свои рассказы к реальным местам и ландшафтам, будучи убежденным, что обрамляющая историю география всегда имеет важнейшее значение. История Китая как обжитого человеком пространства чрезвычайно глубока; как писал поэт Ду Фу в 757 г., в самый разгар кровопролитного мятежа Ань Лушаня, «страна распадается с каждым днем, но природа – она жива»⁵. Ландшафты и местность и есть упоминаемое здесь «живое». Во многих городах Китая люди жили на протяжении двух или даже трех тысячелетий, и описание того, как эти города менялись с течением времени, может дополнить изложение исторических событий.

Поэтому я и пытался поддерживать это чувство места на протяжении всего повествования. Причем, поразмыслив, я решил не ограничивать себя в употреблении имен и географических названий, которые упоминаются у меня столь же часто, как, например, Сомерсет и Шеффилд в какой-нибудь книге, посвященной Англии. Не думаю, что этого можно было как-то избежать; не китайскому читателю придется довериться рассказчику, но довольно быстро, я уверен, он начнет ориентироваться в том, где находится современная провинция Хэнань и куда течет река Хуанхэ, – и в этом, кстати, есть своя прелесть!

Надеюсь, что замечательные карты, которыми снабжена книга, помогут в этом деле. На них расширяющиеся и сужающиеся контуры Среднего царства подобны очертаниям живого организма, которым оно в определенном смысле и остается. На этих картах представлено не

⁵ Ду Фу. *Весенний пейзаж* / Пер. А. Гитовича // *Поэзия эпохи Тан*. – М.: Художественная литература, 1987. С. 173–174. – Прим. ред.

только торжество великих империй – Тан и Сун, Мин и Цин, – но и периоды их упадка и распада, что может оказаться не менее значимым. Как говорится в начале знаменитого романа «Троецарствие», «великие силы Поднебесной, долго будучи разобщенными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадаются»⁶.

И наконец, о том, откуда пришла идея этой книги. Вдохновением для «Китайской истории» послужила серия фильмов, снятых в период с 2014 по 2017 г. для BBC и PBS, которые показывались в Китае и по всему миру. Конечно, любой иностранец, будь то писатель или режиссер, взявшийся за изображение другой культуры, не говоря уже о столь великой цивилизации, как китайская, рискует столкнуться с непредвиденными сложностями. Несмотря на это, фильмы были тепло встречены китайской аудиторией; по словам государственного информационного агентства «Синьхуа», им удалось «преодолеть национальные и религиозные барьеры и донести до телезрителей нечто необъяснимо мощное и трогательное». Это вдохновило меня; я решил вновь оценить собранный материал и взяться за более подробное повествование. Разумеется, книга – совсем другой продукт, нежели телевизионная популяризация, подготовленная для массового зрителя; она позволяет сделать рассказ гораздо более «плотным», глубже погрузиться в окружающий ландшафт и отдельные жизнеописания. Но при этом она точно так же может предложить захватывающую историю, отличающуюся необыкновенным творческим подходом, напряженной сюжетной линией и глубокой человечностью. Надеюсь, что хотя бы какая-то часть экранной яркости пролилась и на эти страницы. В конце концов, во всей истории человечества найдется не так много столь же завораживающих, поразительных и важных сюжетов.

⁶ Перевод с китайского В. А. Панасюка. – *Прим. пер.*

Пролог Пекин, декабрь 1899 г

Морозным декабрем 1899 г., за два дня до зимнего солнцестояния⁷, император Гуансюй⁸ во главе огромной и живописной процессии покинул Запретный город через ворота Тяньаньмэнь. В желтом паланкине, покоившемся на плечах шестнадцати слуг в алых одеждах, его отнесли к закрытой занавесками правительственной повозке, в которую был впряжен покрытый попоной слон. Императорский наряд состоял из длиннополого парадного халата (чаофу) желтого цвета, расшитого драконами синего цвета с пятью когтями, синей накидки и зимней шапочки черного цвета с пришитыми круглыми полями, отделанными собольим мехом. Головной убор был оторочен малиновым шелком и увенчан жемчужиной на позолоченном шипе.

Рядом с ним на лошадях восседали евнухи в роскошных шелковых одеждах, а за ними следовал эскорт телохранителей с леопардовыми хвостами на шлемах, императорские конюшие в одеждах из темно-бордового атласа, знаменосцы с драконами на треугольных штандартах и всадники с луками, позолоченными колчанами и желтыми черпаками. Всего в зимних сумерках под синевато-стальным небом собрались две тысячи сановников, вельмож, чиновников, распорядителей, музыкантов и слуг.

В сопровождении этой блестящей свиты император направился к храму Неба – огромному императорскому святилищу на южной окраине Пекина. Процессия двигалась через центральные городские ворота Цяньмэнь и далее по мраморному Небесному мосту, который был загодя очищен от мелких торговцев и попрошайек. Широкую дорогу специально посыпали желтым песком, чтобы императорский экипаж не трясся на замерзших, изборожденных колеями пекинских улиц. Любой шум был запрещен: ничто не должно было нарушать тишину и мешать проведению священных обрядов. Была остановлена даже недавно запущенная в Пекине электрическая трамвайная линия фирмы *Siemens*, ведущая к воротам Юндинмэнь в южной части Внутреннего города: ее свистки и звоночки смолкли.

Миновав ворота, процессия вступила в Китайский город с его скопищем узких улочек, храмов и базаров. Боковые переулки были завешены огромными синими полотнищами. Людям приказали оставаться в домах, окна по пути процессии были закрыты ставнями, а иностранцев, которых в городе теперь было великое множество, на страницах англоязычной *Peking Gazette*⁹ предупредили, чтобы они не приближались с целью поглазеть на церемонию. Никому не было позволено наблюдать за тем, как император отправляет свою священную обязанность, а тем более смотреть ему в лицо.

Его бесстрастный взгляд был направлен строго вперед, на вытянутом белом лице с выдававшимися скулами уже можно было заметить признаки болезни, диагностированной его французским доктором как хронический пиелонефрит. Уроженцам Запада, которые видели императора на публике, нередко казалось, что в его чертах запечатлелась тревога. То был груз невыносимых тягот правления, страх потерпеть неудачу, а еще – страстное желание принести пользу своему народу. Государь сам не раз заявлял о стремлении «вернуть империи былое

⁷ В рассказе о церемонии я полагаюсь на следующие источники: Bredon (1922), 132–149, план расположения участников ритуала во время церемонии – р. 134; Arlington and Lewisohn (1935), 105–113; Soothill (1913, 274 и 1951, 66–68); плюс блестящий и незаменимый путеводитель по сегодняшнему Пекину – Aldrich (2006), 229–231.

⁸ Цитируемые здесь указы см. J. Chang (2013), 175–190.

⁹ https://digital.soas.ac.uk/content/AA/00/00/06/08/00017/AA00000608_1899.pdf; <https://primarysources.brillonline.com/browse/the-peking-gazette/translation-of-the-peking-gazette-for-1899:pkga1899>. О ситуации в целом см. Harris (2018): <https://brill.com/view/book/9789004361003/BP000036.xml?language=en>.

процветание и могущество» в надежде, как он однажды выразился, «начать, если получится, новую эпоху, слава которой затмит свершения наших предков».

Если бы император соизволил задуматься об этом – а происходящее было прежде всего церемонией для размышлений, – то его незамедлительно посетила бы мысль о том, что династия, к которой он принадлежал, занимала трон с 1644 г. и что с тех пор одиннадцать маньчжурских правителей восстановили и даже приумножили славу прежних династий¹⁰. В XVIII в., находясь на пике своего могущества, Китай был ведущей державой мира, а 61-летнее правление императора Канси было одним из величайших периодов китайской истории. Когда сто лет назад, в 1799 г., умер его прапрадед Цяньлун, империя Цин обладала непревзойденными мощью и размахом, включая в себя Монголию, Тибет, Центральную Азию и простираясь вплоть до джунглей Вьетнама и северной Бирмы. Помимо этнических китайцев (*хань*), власть Сына Неба признавали триста разных племен и народностей. Но рост населения, тяжесть налогов, природные бедствия и то неуловимое ощущение утраты сплывающего чувства, которое способно разрушить изнутри даже самое великое государство, уже подтачивали самосознание правящей династии.

В 1842 г. Великая Цин потерпела поражение от англичан в Первой опиумной войне, а затем испытала потрясения длившегося шестнадцать лет Восстания тайпинов, жертвами которого стали 20 миллионов человек. Начиная с сороковых годов XIX в. европейские державы стали открывать договорные порты и создавать свои анклавные владения вдоль всей береговой линии Китая, что шаг за шагом подрывало старые ценности империи. Краткий период восстановления был прерван унижающим поражением в китайско-японской войне 1894 г., а еще через три года Германия вытребовала для себя новые уступки, разрушая и без того изрядно пошатнувшийся авторитет имперских властей. Ощущение кризиса нарастало. В 1898 г. группа прогрессивных чиновников, журналистов и демократов под руководством реформатора Кан Ювэя инициировала «Движение за самоусиление»¹¹, и молодой император встал на их сторону. Но результаты Ста дней реформ (с 11 июня по 21 сентября) были сведены на нет усилиями консерваторов, которых возглавила вдовствующая императрица-мать. С этого момента император стал пленником в собственном государстве.

В это судьбоносное время начались мятежи. На протяжении 1898 и 1899 гг. в провинции Шаньдун свирепствовал голод. Возмущенные тем, что им казалось иностранной провокацией, отчаявшиеся крестьяне сформировали ополчение, которое получило название «отряды справедливости и согласия» или «кулачные бойцы справедливости и согласия»¹². В ходе разразившегося насилия они нападали на христианские миссии, разоряя церкви и убивая крещеных китайцев. В конце 1899 г., воодушевившись поддержкой шаньдунского губернатора, группы ихэтуаней начали продвигаться на север, выходя за пределы сельской местности. Миновав нищие и замерзшие поля провинции Шаньдун и покрытые сажей горняцкие города провинции Шаньси, восставшие вышли к предместьям императорской столицы. Поэтому именно сейчас, в день зимнего солнцестояния, когда деревни к востоку и югу от города были охвачены пламенем, предстоящий древний ритуал на алтаре Неба обретал особую значимость, питаемую искренней надеждой на благоприятный исход. Возможно, было еще не поздно изменить предначертанное, воззвав к вековечному небесному порядку, который оберегал китайское государство во всех перипетиях его триумфов и трагедий.

¹⁰ В империи Цин правила династия Айсингиоро. – *Прим. науч. ред.*

¹¹ Цзыцзянь юньдун (自强运动). – *Прим. пер.*

¹² Ихэтуань (义和团), или Ихэцюань (义和拳). В английском языке восставшие именовались боксерами. – *Прим. пер.*

С тех пор как было разгромлено реформаторское движение 1898 г., императрица-мать Цыси захватила власть и поместила своего племянника-императора под домашний арест. Теперь же 64-летняя своевольная и невероятно умная правительница, по-прежнему сохранявшая властные полномочия, сама была потрясена. «Ситуация становится угрожающей, – частным образом признавалась она, – а иностранные державы смотрят на нас глазами тигра, предвкушающего добычу... Все стремятся навязать нашей стране свою волю»¹³. Но великие государственные церемонии должны продолжаться, и никакая другая не была важнее, чем отправление Церемонии, приуроченной к зимнему солнцестоянию: действия, в котором император молит о благополучии от имени Поднебесной, отчитываясь перед предками о состоянии империи и взваливая на свои плечи особое бремя – грехи всей страны.

Процессия почти дошла до южной окраины города, где внешняя стена заканчивалась, и в зимних сумерках начинали проступать поля, каналы и аккуратно остриженные ивы. Сейчас Сыну Неба было 28 лет. В шестилетнем возрасте он стал императором под опекуном императрицы Цыси, а затем приступил к долгому процессу освоения древних конфуцианских премудростей. Его полное лишений детство¹⁴ прошло под присмотром воспитателя, холодного и сурового Вэна, в просторных и мрачных пределах Запретного города, где сменявшие друг друга евнухи издевками и угрозами старались направить его ум на изучение обязанностей правителя. Его долг, как учили, состоял в том, чтобы «быть честным, великодушным, благородным и мудрым», поощрять конфуцианские добродетели и изучать показательный опыт своих предшественников-императоров, как хороших, так и плохих. Став старше и, вероятно, мудрее, он обнаружил, что заперт в позолоченной клетке, на страже которой стоят попечители-тюремщики, а также его собственная робость и нелюдимость: «Когда мы получили право единоличного управления империей, мы понимали всю сложность государственных дел, усугубляемую кризисом, который охватил нашу страну. Поэтому наши мысли днем и ночью были заняты проблемами, осаждавшими Китай со всех сторон».

После десяти лет обучения наукам император внешне являл собой тип мудреца на троне, но в реальности был погруженным в себя, задумчивым человеком, склонным к внезапным эмоциональным вспышкам и никак не подходившим для того, чтобы вернуть империи процветание и могущество. Его советники – прозападные реформаторы, такие как Кан Ювэй и Лян Цичао, – были приговорены к смерти и бежали в Японию, что похоронило надежды императора на конституционную реформу. Как выразилась вдовствующая императрица, их девизом было «защищать и оберегать Китай, а не империю Цин... И они по-прежнему пишут предательские воззвания из-за границы, представляя себя реформаторами, противостоящими консерваторам, и не понимая, что наша империя покоится на прочном фундаменте, а ее правители, почтительно следующие заложенным предками принципам государственного управления, восседают на незыблемом основании». Во всяком случае, прямо сейчас, под бескрайним темнеющим сводом зимнего неба, в бледном свете восходящей ущербной луны это основание по-прежнему казалось прочным.

В то самое утро 20 декабря, когда император готовился к церемонии, англоязычная *Peking Gazette* в разделе «Вести из столицы» разместила крайне необычное сообщение, посвященное только что вышедшему императорскому указу, который был прямо обозначен как «то, что император вынужден заявить». В своем довольно бессвязном манифесте властитель признал, что Китай сталкивается со множеством проблем, а затем, не скупясь на похвалу, принял благодарить императрицу-мать: «Мы вступили на трон, будучи еще ребенком, и выражаем признательность Вдовствующей императрице за ее нежную заботу и неутомимую энергию в

¹³ J. Chang (2013), 307–308.

¹⁴ Подробности – J. Chang (2013), 175–181.

стремлении привить нашему восприимчивому уму принципы правильного поведения. Нужно признать, что этот процесс продолжался на протяжении почти тридцати лет».

Процессия, наконец, прибыла к святилищу, находившемуся на южных рубежах города. Его строили с 1406 по 1420 г., в царствование императора Юнлэ, при котором был сооружен Запретный город. Ближе всего к воротам стоял сам храм Неба, выделяясь величественным округлым куполом с тройной кровлей и золотым навершием, «сверкавшим подобно жемчужине» в последних лучах солнца. Двигаясь вдоль центральной аллеи, участники процессии подошли к непосредственному месту проведения ритуала – алтарю Неба. Возведенный в 1530 г. императором Цзяцзином, он (как и сейчас) находился внутри огромного огороженного стенами квадратного пространства посреди парка, в котором росли древние кипарисы. Большой трехъярусный алтарь стоял в самом центре под открытым небом и был посвящен культу *тянь* (обожещенного Неба). «Сияющий в своем гордом одиночестве, он не сравним ни с одним святилищем на земле по глубине и грандиозности замысла, – писал современник. – Это одно из самых впечатляющих зрелищ во всем мире»¹⁵.

В наши дни, как и прежде, алтарь представляет собой огромную выложенную из белого мрамора в три уровня окружность около 135 метров в диаметре, которая помещена внутри квадрата в соответствии с древними образами: земля прямоугольна, а небо округло. В западной части внутреннего двора находится Чертог постыющихся, или Дворец воздержания. Здесь императору предстояло провести самое темное время ночи, готовясь к исполнению своего священного долга, ибо, по словам одного из участников, «считается, что, если он не преисполнится благочестивыми мыслями, то незримые духи не явятся к жертвоприношению».

К четырем часам вечера бледный свет зимнего дня тускнеет, и серая линия гор на западе проступает особенно четко. Суровыми зимами 1890-х гг. на солнцестояние часто шел снег, а мороз был настолько сильным, что кто-то из участвовавших в церемонии священнослужителей¹⁶ сказал английскому посланнику: «В такие дни даже высокие войлочные сапоги и самые теплые меха не спасают здоровых и полных сил людей от промерзания до костей, а в отдельных случаях и от могилы».

Внутри огромного двора были завершены приготовления к захватывающему представлению, которое вот-вот должно было начаться, – актеры и реквизит ожидали торжественного открытия императорского театра. Ниже алтаря на высоких красных столбах и обвитых драконами стойках для музыкальных инструментов были размещены гигантские светильники. Специальные деревянные подставки предназначались для набора, который состоял из подвешенных бронзовых колоколов и шестнадцати музыкальных плит (литофонов), изготовленных из темно-зеленого нефрита. Их звучанию предстояло облегчить связь с миром духов. С первыми порывами снежной бури подняли императорские знамена, а на самой высокой платформе лицевой стороной к югу установили сооружение, представлявшее модель неба. Его освещали сотни факелов, пламя которых отражалось на матовой поверхности покрытых изморосью террас¹⁷.

Вокруг алтаря свои места заняли священники и придворные, чиновники департамента ритуалов, а также служители, отвечавшие за подушки для коленопреклонений и воскурение благовоний; некоторые из них были обязаны подносить императору жертвенное мясо и вино в изысканных закрытых алтарных чашах, изготовленных из фарфора цвета бледной луны и покрытых позолоченным лаком. Рядом с императорским местом на втором ярусе находился специальный подсказчик, призванный наблюдать за порядком проведения церемониального действия. Внизу во дворе раскалили огромную печь для жертвенного быка, а также печи поменьше для шелка и других подношений. Распорядок ритуала должен был соблюдаться

¹⁵ Bredon (1922), 132. По мнению этого автора, алтарь был «близок к скрытым чудесам земли» (149).

¹⁶ Soothill (1913), 274.

¹⁷ Bredon (1922), 134 – схема ритуала.

неукоснительно в соответствии с «Руководством по поклонению и Иллюстрированным справочником по церемониальным принадлежностям империи Цин», опубликованным маньчжурами в середине прошлого века.

За закрытыми дверями Чертога воздержания, обогреваемого жаровнями, император к середине ночи завершил свои молитвы и медитации. За всю историю не было сделано ни единого рисунка или фотографии этого самого священного из обрядов. Несмотря на то что вдовствующая императрица при своем дворе позволяла использовать фотоаппараты и умела позировать для постановочных снимков, иностранцам никогда не разрешалось лично присутствовать на церемонии. О том, что происходило дальше, мы знаем лишь из дошедших до нас ритуальных справочников и рассказов непосредственных участников.

В полночь церемония началась. Музыкальная часть открылась звуками флейт, трелями колокольчиков и перезвонном литофонов. Подсказчик дал сигнал к началу ритуала, и руководящий церемониймейстер хриплым голосом воззвал во тьму. В первую очередь был совершен обряд поклонения Небу. Огни жертвенных печей бросали свои отблески на бледные мраморные террасы, заставляя блестеть золотые нити на синих одеяниях чиновников-мандаринов, выстроившихся на трех больших ярусах алтаря.

Как только зазвучала музыка, император преклонил колени у подножия ступеней, ведущих со второй террасы к верхней платформе, где в самом центре располагался круглый камень, символизирующий *axis mundi*, мировую ось – высшее проявление принципа *ян*, средоточие вселенной. Обратившись лицом к северу, он совершил обряд поклонения перед табличкой с именем духа Неба, которая помещалась на северном краю верхней террасы. Он также воздал дань уважения Пяти основателям – мифическим китайским государям, правившим, согласно традиции, в далеком прошлом, – а также своим первопредкам.

Внизу, на каменной мостовой внутреннего двора, одетые в красное музыканты императорского придворного оркестра исполняли величественный концерт на свирелях, а в это время сам император беспрестанно совершал поклоны и падал ниц. По мнению некоторых, это была нелегкая работа. Прапрадед нынешнего императора Цяньлун¹⁸ в свои преклонные годы поручал ее одному из молодых принцев. «Было очень важно, – говорил он, – чтобы все исполнялось неукоснительно и без малейших ошибок. Сам Цяньлун в конце концов сдался со словами: «Все эти восхождения и спуски, поклоны и вставания сильно утомляют, в моем возрасте это неправильно».

Затем император положил перед табличками скипетр из голубого нефрита и совершил приношение пищи и возлияние вина перед табличкой духа Неба. Исполнив тройное колено-преклонение и девять раз коснувшись лбом пола в глубоких поклонах, он принес воздаяние двенадцатью отрезами наилучшего шелка. За этим последовало огненное жертвоприношение: бык «одной масти, без пятен и изъянов» был заранее подвергнут ритуальному очищению и приготовлен для сожжения в печи. За два часа до рассвета, по сигналу, поданному распорядителем двора, император и придворные еще раз склонились в глубоком поклоне и простерлись ниц, вознося молитву обожествленным силам природы. Затем музыка прекратилась. Все замерло в молчании. Император произнес:

Император прославленной империи Великая Цин подготовил это обращение, чтобы воззвать к духам солнца, луны и планет, созвездий зодиака и всех звезд на небе, дождевых облаков, ветра и грома, духам пяти великих священных гор, четырех морей и четырех великих рек, разумным существам, которым поручены дела на земле, всем надземным духам на небесах, духам-покровителям этого года: мы молим вас от своего имени употребить вашу духовную мощь и предпринять самые серьезные усилия для того, чтобы

¹⁸ Rawski and Rawson (eds) (2005), 118.

донести наши ничтожные пожелания до Верховного Владыки Неба (Шан-ди), умоляя его, чтобы он милостиво удостоил нас своим вниманием, чтобы он сообразовал принять наши почтительные подношения...

Истоки этого живописного и архаичного ритуала¹⁹, сопровождаемого заклинаниями, огненными жертвоприношениями и ритуальным забоем быков, насчитывают более трех тысяч лет, восходя к церемониям бронзового века, которые описаны на гадальных костях. Весь ход роскошного представления был призван выразить традиционную для Китая идею связи между человечеством, небесами, космосом и землей. Когда свет солнца слабее всего, а климат наиболее суров, когда все живое сковано холодом, человеческим существам самое время молить об обновлении, хорошем урожае и плодородии почвы. На протяжении всей китайской истории подобные первобытные верования были тесно связаны с благополучием правящей династии. Так Китай отчитывался перед предками, поддерживая с ними своеобразный союз. К тому же в основе ритуала, как следует из самого характера церемонии, скрытой от взоров простых людей, лежало четкое разделение между правителями и народом, что подчеркивало иерархию, в рамках которой мудрец-правитель распоряжается жизнями простолюдинов и выступает посредником в их взаимоотношениях с силами космоса.

Таким образом, через весь ритуал красной нитью проходит важнейшая истина, выражающая самую суть религиозных представлений китайской цивилизации. Употребляя определенные слова – небеса (*тянь*), путь (*дао*), правитель (*ван*), – император становился живым воплощением китайских представлений о порядке и власти, которые впервые появились в IV тысячелетии до н. э. и которые сохранялись также в его дни, несмотря на неожиданные и резкие посягательства со стороны западной современности. Это было древнее представление о Небе как о верховном божестве, надзирающем за человеческими делами, и в то же время как о высшей космической реальности, совокупности беспристрастных законов мироздания. «Путь» вбирал в себя главные принципы, поддерживающие равновесие космоса, и долгом мудрых советников было постичь и придерживаться их. Эти смысловые потоки сходились в фигуре монарха, верховного политического лидера, воплощения мудрости, в отсутствие которого общество неизбежно ожидает распад. Теперь же все это ложилось на плечи хрупкой и неуверенной в себе личности.

Император вновь совершил три коленапоклонения и девять поклонов, а затем направился к дровяной печи. В нее с величайшим почтением были сложены все жертвоприношения, церемониальные надписи, шелковые свитки и написанные на бумаге заклинания, чтобы при сожжении, «сопровожаемые нашими искренними молитвами, они с порывами пламени вознеслись в лазурную даль». Под звуки исполняемой в тот момент «песни города Сипин» император в молчании наблюдал за тем, как листы с молитвами сначала извивались в пламени, а потом сгорали дотла. Наконец он направился к выходу.

Угли медленно гасли, а случайные снежинки еще кружились в воздухе, когда на горизонте за темными рядами кипарисов забрезжили первые проблески зари. Император поднялся в экипаж и отправился обратно в Запретный город. Сомкнувшиеся за ним ворота возвращали его под домашний арест. Без сомнения, Небо услышало призывы своего сына. Тем не менее в течение нескольких последующих дней, пока в Посольском квартале Пекина европейцы с тревогой встречали свое Рождество, мятеж в сельских районах лишь набирал силу. В последние дни 1899 г. поступали известия о все новых убийствах китайских неопитов-христиан и разграблении церквей, а отряды ихэтуаней продвигались все ближе к столице. 31 декабря в Шаньдуне восставшие схватили преподобного Сиднея Брукса из Миссионерского общества,

¹⁹ Granet (1926), 242–251; G. F. Hudson в Soothill (1951), xiii–xviii. О доисторических корнях мифа о мудреце-правителе, который будет одной из тем этой книги, см. эссе Лю Цзэхуа – Liu Zehua (2013–2014) – с комментарием Юрия Пинеса.

надели ему на шею деревянную колодку, провели в таком виде по улицам, а затем обезглавили. Он стал первым иностранцем, павшим жертвой мятежа.

Буквально через несколько дней, под давлением консерваторов в правительстве, вдовствующая императрица изменила свое мнение о боксерах и издала указ²⁰, который, по мнению многих, выражал согласие с восставшими и их лозунгом «Поддержим Цин, истребим чужеземцев». Отряды ихэтуаней в предместьях Пекина и Тяньцзиня начали разбирать железнодорожное полотно, обрывать телеграфные провода и сжигать дома иностранцев. В панических письмах из иностранных кварталов говорилось о том, что деревни кишат «голодными, недовольными, отчаявшимися бездельниками»²¹. Весной командующие флотами союзников начали атаковать китайские крепости на побережье, а в Европу полетели срочные депеши, требующие подкреплений. Наконец, 21 июня вдовствующая императрица объявила, что Китай находится в состоянии войны с восемью иностранными державами, после чего бежала из столицы. Вскоре боксеры начали 55-дневную осаду Посольского квартала. Она обеспечила западную прессу достаточным количеством сюжетов на тему европейского героизма, а также того, что на Западе считали вспышками иррационального варварства восточных дикарей, восставших против «цивилизованного мира».

Так начался новый век по западному календарю; в то время казалось, что Китай, подобно другим частям света, будет расчленен и поделен между иностранными державами или же превратится в конгломерат региональных государств, как уже случалось в X в. в эпоху Пяти династий или в конце пути империи Юань – периода монгольского правления. В мае 1900 г. войска восьми союзных держав заняли Пекин, а на священной территории храма Неба, оккупированной американскими солдатами, разместился временный командный пункт коалиции. Храм и великий алтарь были осквернены, фасады зданий изуродованы, сады вытоптаны, а кипарисы вырублены. Хранившиеся на складах ритуальные принадлежности были украдены, а музыкальные инструменты сломаны.

Проведенная на солнцестояние 1899 г. ритуальная церемония, таким образом, оказалась последней в своем роде. В 1914 г., уже после падения империи, военный диктатор Юань Шикай, желая подкрепить свои претензии на пост президента, попробовал собрать уцелевшие фрагменты и возродить церемонию. В тщетной попытке воззвать к духам он даже «воспользовался кинематографом», но то, что в итоге получилось, было всего лишь костюмированным представлением. Глубинный смысл архаических жестов, слов и музыки внезапным и удивительным образом испарился.

С этого момента одно потрясение следовало за другим. Революция 1911 г. положила конец империи, просуществовавшей более двух тысячелетий. На ее месте была основана республика, которая за свою короткую жизнь так и не познала мира. XX век с его крестьянскими восстаниями, японской интервенцией, гражданской войной и коммунистической революцией стал для Китая периодом тяжелейшей травмы, к которой добавились катастрофы «большого скачка» и «культурной революции» 1950–60-х. Ни одна другая страна в современной истории не перенесла столько испытаний.

Все эти события были составной частью почти двухвековой революции, которая началась с Первой опиумной войны и результатом которой стало появление современного Китая. Но

²⁰ Текст см. J. Chang (2013), 307–308.

²¹ <https://eu.desmoinesregister.com/story/opinion/columnists/2017/05/26/amazing-adventures-iowas-first-ambassador-china/344105001/>. Обзоры: история раннего Китая в целом: Ebrey (2010), 10–35; Hansen (2015), 19–55; Li Feng (2013), 15–40; богато иллюстрированный обзор доисторической эпохи – Allan (ed.) (2005). Широкая интерпретация процесса становления политической власти – K. C. Chang (1983); историографические проблемы ранней царской власти – Liu Zehua (2014); другие соображения о воспроизведении в Китае деспотической модели – de Bary (1993), 1–3; Levenson (1958), 162–163. Тексты первичных источников, используемых на протяжении всего повествования – de Bary, *Sources of Chinese Tradition*, 2 vols (1960 и последующие издания), ниже цитируемые как Sources. В интернете ключевые тексты также доступны на сайте Chinese Text Project, <https://ctext.org>. В качестве «путеводителя» по источникам см. Wilkinson (2017).

они – лишь завершающие эпизоды целой серии жестоких катаклизмов, неоднократно происходивших в китайской истории. Начиная с бронзового века, эта история представляет собой череду взлетов и падений многих династий, и на всем ее протяжении китайцы упорно сохраняли идею единого государства, опирающуюся на древний архетип политической власти, который просуществовал вплоть до наших дней. Этот идеал централизованной авторитарной бюрократии, руководимой мудрым императором, его министрами и учеными, как мы увидим, живет в сердце китайской культуры даже после падения империи.

После коммунистической революции алтарь Неба, этот утонченный символ китайской цивилизации, какое-то время использовался в качестве городской свалки; он вообще лишился – пусть даже внешне – последней капли своей сверхъестественной силы. Но в настоящее время он восстановлен как общедоступный памятник под открытым небом и вновь окружен кипарисами. Те, кто приходит сюда в пору зимнего рассвета, вероятно, все еще могут прикоснуться к миру древних и почувствовать их мысли.

Завершившая собой 2200-летний период Китайской империи, церемония 1899 г. ныне выглядит притчей, событием, подводящим черту под драматическим прошлым и формулирующим вопросы, которым еще суждено возникнуть. Что именно происходит в тот момент, когда великая и древняя цивилизация, вбирающая самое большое население в мире, переживает крах, сопровождаемый гигантскими и разрушительными судорогами насилия? Каким образом она может обновиться? Наконец, что это значит – быть современным? История не знает других примеров столь масштабного и всеобъемлющего цикла перемен. И теперь, в XXI в., вновь вспоминая о тех поразительных событиях, мы также имеем право задаться вопросом о том, какими были движущие идеи этой цивилизации и как с подобным прошлым соотносится нынешний Китай. Так воздействует ли китайское прошлое на китайское настоящее? И каким образом эта история повлияет на будущее страны в ключевые десятилетия, которые определяют судьбу планеты и в которых Китаю предстоит сыграть важнейшую роль?

Глава 1

Корни

Знакомство с китайской историей следует начинать с географии. Сегодня Китай представляет собой огромную страну, простирающуюся с юга на север от пустынь Синьцзяна и Тибетского плато до гор Бирмы и Вьетнама и от девственных просторов Маньчжурии до приграничной реки Ялуцзян. Путь от Кашгара на крайнем западе Синьцзяна до столицы составляет 4000 километров. В северных регионах Китая большую часть года стоит холодная и зачастую ненастная погода, а в южных регионах господствует субтропический климат; в одних частях страны выращивают просо и пшеницу, в то время как в других культивируют рис. Древнейшие в мире зерна одомашненного риса были найдены на китайском юге при раскопках поселений, которые датируются началом VII тысячелетия до н. э. При наличии столь разительного природного и климатического контраста два великих климатических пояса Китая на протяжении тысячелетий отличались друг от друга по населению, языку и культуре, причем этот контраст сохраняется и поныне.

Но какими бы бескрайними ни были эти внешние земли, историческая колыбель Китая намного компактнее. Она расположена между Желтым морем и предгорьем – там, где две великие реки спускаются с высокогорных плато Цинхая и Тибета. На севере, по берегам Хуанхэ (Желтой реки), зарождались первые государственные образования, а на юге, в долине реки Янцзы, позднее сложился главный центр, обеспечивающий подъем народонаселения, благосостояния и культуры. В эпоху империи Хань, соответствовавшую римскому периоду в истории Запада, китайское государство впервые распространило свою власть за эти пределы, достигнув оазисов Центральной Азии, а в VII в. н. э. империя Тан на какое-то время установила непосредственный контроль над Синьцзяном. Однако большую часть истории территория Китая ограничивалась пространством между двумя реками. Нынешние гораздо более обширные границы Китайской Народной Республики утвердились лишь в XVIII в., когда огромная многоплеменная империя маньчжуров, которая называлась Великая Цин, простерла свою власть на Монголию, Синьцзян и вассальный Тибет.

Сегодня исторический центр страны с севера на юг можно пересечь на поезде меньше чем за один день. Реализация одного из многих поразительных инфраструктурных проектов недавнего времени полностью преобразила сферу общественного транспорта, и скоростной поезд покрывает расстояние в 2300 километров от Пекина до Гуанчжоу всего за восемь или девять часов. Тем, кто предпочитает путешествовать в более умеренном темпе, 24 часов на поезде с остановками хватит для того, чтобы пересечь долину Хуанхэ и добраться до цветущих южных областей – до исторической области Цзяннань, «страны к югу от реки», о которой с таким чувством писали китайские поэты. Это будет путешествием не только в пространстве, но и во времени. Оно позволит нам, глядя из окна, рассмотреть более глубокие исторические закономерности, древние очертания ландшафта и цивилизации.

Первые цивилизации в долине Хуанхэ возникли не на морском побережье, а на центральной равнине, ближе к тому месту, где эта река стекает с гор. Ниже по течению раскинулись широкие, постоянно меняющие свои очертания долины, изобилующие ручьями, речушками, низинными болотцами и большими озерами, возле которых в бронзовом веке водилось огромное количество диких животных. Лишь в последующие столетия, еще до нашей эры, эти территории были осушены и превращены в земли, пригодные для сельского хозяйства. Таким образом, первые центры цивилизации располагались в глубине материка, и море никак не запечатлелось в ранней исторической памяти китайской культуры.

Зарождаясь на Цинхайском нагорье, Хуанхэ делает глубокий изгиб на север, доходя до самой Монголии. В своем течении она пересекает безводные лёссовые пространства пустыни Ордос – «желтую землю», состоящую из подверженных эрозии и выветриванию осадочных пород и оказывающую на климат Китая такое же влияние, какое на климат Средиземноморья производит Сахара. Затем, делая резкий поворот на юг, река вырывается с гор на равнину с подчас совершенно необузданной силой. В своем бурном течении она достигает места слияния с рекой Вэйхэ, а потом устремляется дальше в низины, вступая в Срединное государство. Изменение ее русла в исторический период отмечалось не менее тридцати раз; кроме того, она тысячекратно выходила из берегов, производя страшные наводнения. Место, где она впадает в Желтое море, порой перемещалось на целых 500 километров, так что невероятным образом ее устье иногда лежало севернее, а иногда южнее Шаньдунского полуострова.

Таким образом, в истории Китая Хуанхэ присутствует как постоянный, непредсказуемый, а нередко и вселяющий ужас фактор. В этом смысле ее течение резко отличается от благотворного и живительного течения египетского Нила, сезонные разливы которого, происходящие с безошибочным постоянством, отмечались ежегодными празднествами 15 августа, или же от месопотамского Тигра, летний подъем которого вплоть до XX в. встречался благодарственными обрядами и пищевыми подношениями даже в мусульманских домохозяйствах. Река Хуанхэ также являлась адресатом религиозных церемоний.

Церемонии жертвоприношения и почитания «могущества Желтой реки»²², «Почтенной реки предков» известны с бронзового века. Но причиной, заставляющей их поддерживать, был страх, желание задобрить и умиротворить воду, а вовсе не радость от встречи с ней. «Не будет ли в этом году потопа?»²³ – вопрошают озабоченный монарх и его прорицатели в надписях, оставленных на гадальных костях²⁴. Пережитки культа бога Реки дожили до нашего времени, например, в древнем поселении Чаюй неподалеку от уездного центра Хэян, совсем рядом с родным городом знаменитого историка Сыма Цяня. Ежегодно в конце лета, в пятнадцатый день шестого лунного месяца, здесь проводятся церемонии в честь подъема воды. Под аккомпанемент гонгов и барабанов мужчины в головных уборах в виде головы тигра исполняют танец, а женщины пекут на пару огромные пампушки и готовят другие угощения, которые приносятся в жертву речным духам. В сумерках, сгущающихся над заболоченными берегами, по реке отправляются сотни мерцающих фонариков. Сегодня эти церемонии служат развлечением для китайских туристов, однако в прошлом они исполняли функцию молитвы-оберега. Так крестьяне и рыбаки надеялись предотвратить разрушение домов и гибель людей, причиной которых становились нередкие и опустошительные паводки. Как говорят, эти ритуалы отправляются «с древнейших времен, о которых не помнят даже старики».

Иногда наводнения на Хуанхэ были столь разрушительными, что меняли ход китайской истории. В 1048 г., как мы увидим ниже (см. [здесь](#)), гигантский паводок серьезно изменил сам ландшафт северной равнины²⁵, а во время катастрофы 1099–1102 гг., по словам потрясенного местного чиновника, «миллионы тел погибших заполнили собой речные протоки» и «никаких следов проживания человека на тысячу *ли* вокруг» невозможно было отыскать. От вспышки чумы, которая последовала за наводнением 1332 г., погибло семь миллионов человек, что ускорило наступление социального хаоса, повлекшего за собой падение власти монгольской династии в империи Юань. В 1887 г. после многодневных проливных дождей вода в Хуанхэ поднялась и количество жертв составило два миллиона; возможно, еще больше человеческих жизней унесло наводнение 1931 г.

²² Keightley (2000), 113–114.

²³ Keightley (2000), 114; мифы о потопе в целом: Lewis (2006).

²⁴ Li Feng (2013), 90–111; Keightley (2000); см. также первую значимую публикацию на Западе на эту тему – Chalfant (1906).

²⁵ Zhang Ling (2016); о 1099–1102 гг. см. pp. 198–199.

Вплоть до середины XX в. Хуанхэ оставалась непредсказуемым убийцей; повсюду, где она протекала, до сих пор можно видеть ее следы. Сельская местность в округе города Чжэнчжоу испещрена узорами прежних течений, и, хотя в наши дни ширина основного русла кое-где достигает пяти километров, река даже в сезон дождей несет, наверное, лишь десятую часть того объема воды, который она заключала в себе до 1940-х гг. Хотя за последние сорок лет или около того река в нижнем течении за Чжэнчжоу чаще пересыхала, чем разливалась, управление водой как было, так и остается главной задачей китайской власти, начиная с бронзового века; отличие лишь в том, что сегодня проблемой выступает не бесконтрольный избыток воды, а ее хроническая нехватка.

Таким образом, первые ростки китайской цивилизации появились по берегам реки на Великой Китайской равнине, и над ее создателями вечно довлел страх перед природными катаклизмами, способными вызвать крушение всей социальной системы. Лишь крепкая государственная власть могла справиться с задачей ирригации. Поэтому неудивительно, что древнейшие китайские мифы о происхождении государства сходятся друг с другом в историях об обуздании воды. Они повествуют о мифическом правителе по имени Великий Юй, которого называли «усмирителем потопа». Как мы увидим ниже, эти рассказы передавались из уст в уста еще до того, как в конце бронзового века, около 1200 г. до н. э., в Китае появилась письменность. Тем самым подтверждается невероятная цепкость китайской культурной памяти, уходящей в прошлое вплоть до эпохи Луншань (позднего неолита) в III тысячелетии до н. э. Впечатляющие археологические открытия, сделанные в XXI в., заставляют предположить, что в подобных мифах запечатлена историческая память о событиях, которые и поныне вписаны в китайский ландшафт, показывая, насколько определяющим образом экология влияла на структуру политической власти. Важнейшими качествами правителей были их умения мобилизовать трудовые ресурсы, проложить каналы для отвода воды, организовать орошение почв, наблюдать за природными явлениями ради точного предсказания погоды и заслужить одобрение великих предков. Этой системе было суждено просуществовать до самого конца империи в 1911 г. и даже пережить ее.

Корни китайской цивилизации

В древнейший период в Китае существовало множество самобытных региональных культур, но важнейшая из них зародилась на широких просовых полях современной провинции Хэнань – на Центральной равнине, *чжунъюань*, как ее называли в более позднюю эпоху истории Среднего государства. Китайское название собственной страны, *Чжунго*²⁶, впервые было письменно зафиксировано в период Западного Чжоу на рубеже I тысячелетия до н. э. и применялось для обозначения этой срединной территории задолго до того, как его перенесли на всю страну, а впоследствии и на ту часть мира, центром которой мыслился Китай. Разумеется, нельзя исключить, что первоначально так называлась лишь одна конкретная местность, о чем мы еще скажем в дальнейшем. В Китае много разных культур и много разных описаний прошлого, но есть один всеобъемлющий нарратив, и именно с него начинается китайская история как оформленное и структурированное повествование, донесенное до нас древними хронистами.

Город Чжэнчжоу, административный центр провинции Хэнань, – ныне это бурно растущий мегаполис с населением более десяти миллионов человек, окутанный бурой дымкой выхлопных газов, – раскинулся вдоль южного берега Хуанхэ. Между пересекающимися автомагистралями стоят кварталы пустующих высоток, прилегающие к зонам высокотехнологического развития с их заводами по производству электроники и автомобилей. Здесь же находится крупнейший в мире центр изготовления смартфонов – *iPhone City*. За их пределами располагаются утонувшие в дыму сталелитейные заводы и угольные шахты. Но вдоль внутреннего транспортного кольца по-прежнему тянется линия массивных земляных стен, напоминающая о том, что в бронзовом веке, в период Шан-Инь, три с половиной тысячи лет назад, город был одной из китайских столиц. Опираясь на историко-археологические данные и отодвигая истоки национальной истории еще глубже в прошлое, власти Чжэнчжоу сегодня представляют его туристам как древнейший из столичных центров, главный пункт местного «средоточия древних столиц», включающего в себя восемь расположенных по соседству друг с другом исторических мест, которые в свою очередь входят в «группу городов центральной равнины».

Чтобы прикоснуться к этой древности, нам придется оставить оживленные автомагистрали. После часа езды по пригородным шоссе путешественник оказывается в совершенно ином мире, где длинные и прямые сельские дороги пересекают желтые поля, а деревня следует за деревней на расстоянии меньше километра друг от друга. Вплоть до 1980-х гг. они чаще всего представляли собой окруженные земляными стенами замкнутые пространства со сложными из сырцового кирпича зданиями под черепичными крышами, в которых люди жили большими семьями. Еще сегодня среди сверкающих на солнце силосных башен, цистерн для хранения воды и складских помещений современных агропромышленных комплексов можно отыскать родовые деревни, в которых люди возделывают свои грядки вручную и, следуя многовековому укладу, высаживают побеги сахарной кукурузы между рядами пшеницы. При таком способе посадки кукуруза две недели растет вглубь, а когда приходит время сбора пшеницы, она не попадает под серп. По границам полей расположены древние святилища с длинными бамбуковыми шестами, предназначенными для знамен. Этот мир по-прежнему высоко ценит благоприятные приметы. Пока что два мира сосуществуют, особенно в сознании старших поколений китайцев, которые еще помнят о жизни до революции 1949 г. и до короткого, но жестокого перелома – «культурной революции» 1960-х и начала 1970-х гг.

²⁶ Значение и древность термина: Wilkinson (2017), 4,1 Box. 2.

В двухстах километрах к югу, на центральной равнине у озера Хуайян недалеко от Чжоукоу, толпы людей собираются на праздник²⁷. Миллион человек, простых жителей деревень и сел провинции Хэнань сходятся к расположенному на озерном берегу храмовому комплексу, чтобы совместно почтить исконных китайских божеств – Фу-си и Нюйва. В наши дни путешественник повсюду сталкивается с подобными местными культами, являющимися частью бурного возрождения религии в нынешнем Китае, где, как считается, от трехсот до четырехсот миллионов человек активно участвуют в жизни различных конфессий – буддизма, христианства и мусульманства, а также гораздо более популярного даосизма и прочих народных культов.

Место поклонения у озера Хуайян – одно из древнейших. Оно было широко известно уже в Период Весен и Осеней (около 700 г. до н. э.). Главное божество, Фу-си, – мужского пола, но уже более двух тысячелетий его культ тесно связан с культом первобытной богини по имени Нюйва. Тысячу лет назад, при империи Сун, эта пара стала центральным объектом одного из императорских ритуалов. В эпоху Мин произошло обновление культа, были возведены нынешние здания, а сам ритуал просуществовал до краха империи в начале XX в. Императоры воздавали здесь божественные почести не только собственным предкам, но и легендарным правителям и культурным героям всего Китая: Хуан-ди (Желтому владыке), Пяти государям изначальных времен (Шао-хао, Чжуань-суй, Ку, Яо, Шунь), а также «Первому земледельцу» Шэнь-нуну, «божественному крестьянину», который научил людей возделывать землю и которого в народе до сих пор почитают как божество. Также тут расположено святилище Великого Юя – мифического правителя, который первым прорыл каналы и обуздал Хуанхэ с ее наводнениями, заложив основы китайской государственности. Но самыми древними из божеств остаются Фу-си и Нюйва – создатели первых людей.

Среди китайских крестьян народные культы дожили до 1950-х гг., когда ярмарки при храмах еще были крупными событиями: в приходящиеся на них дни люди покупали и продавали, а также танцевали и пели, отмечая наступление весны во втором лунном месяце. Позднее, во времена «культурной революции», ярмарки разогнали, а храмы закрыли. Статуи почитаемых божеств уничтожались, а исторические здания умышленно уродовались или превращались в производственные помещения. Однако в 1980 г. Коммунистическая партия Китая (КПК) сняла запрет на отправление религиозных обрядов, и в 1980-е гг. в рамках политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина светские ярмарки вновь заработали, что отчасти имело целью оживить местную экономику. Поначалу возрождение шло в значительной степени спонтанно: ярмарки просто вновь превращались в площадки для народных гуляний с участием певцов, танцоров, музыкантов, рассказчиков, акробатов, фокусников, ремесленников, а также в места для азартных игр, спортивных соревнований и гаданий. Вскоре воспрянула и народная религия. Храмы переосвящались, а их алтари и культовые статуи восстанавливались по мере того, как крупные общественные ярмарки понемногу раздвигали границы официально дозволенного. Правительство тем временем начало частично снимать ограничения, введенные в ходе разрушительной атаки Мао на «старые обычаи, культуру, привычки и идеи».

Сегодня «фестиваль земледельцев» является одним из самых заметных событий в жизни этой части провинции Хэнань. В городе имеются просторные отели для паломников, их величественные атриумы украшены настенными росписями, изображающими божественных персонажей и сакральные сюжеты. Стойка регистрации гостей в отделанном мрамором фойе встречает участников автобусных туров подарочными пакетами, в которых собраны карта, бейдж, блокнот, а также буклеты, рассказывающие о ритуалах и объясняющие, как должен вести себя их участник. Все это – часть китайского возвращения к традиционным укладам и обычаям,

²⁷ Мой рассказ основан на посещении святилища в апреле 2015 г.; я благодарен администрации храма за гостеприимство. О выживании местных культов – Overmyer (ed.) (2003), Overmyer (2009) и Yang (2005); о храмовых ярмарках и рынках – Cooreg (2013); недавний обзор, посвященный возрождению религии в Китае – Johnson (2017).

в которых люди вновь открывают для себя собственные корни. Расположенный вдоль берега озера храмовый комплекс представляет собой огромный прямоугольник, в центре которого находятся святилища Фу-си и Нюйвы, бога и богини изначальных времен. Фу-си – могущественное древнее божество, «установившее законы для людей» на самой заре истории, когда, как гласит написанное в эпоху Хань энциклопедическое сочинение «Бо ху тун»²⁸, еще «не существовало нравственного или общественного порядка». Он первый в ряду мифических прародителей *хуася* – предков этнических китайцев. На стелах времен империи Хань оба божества изображены с человеческими лицами и длинными змеиными хвостами, переплетающимися друг с другом. Позади главного храмового зала, согласно преданию, расположен погребальный курган Фу-си, и здесь во время празднества толпы возбужденных, но благонамеренных паломников бросают охапки благовонных трав в огромный костер, разведенный в его честь.

Однако наиважнейшими паломническими ритуалами остаются те, которые связаны с почитанием богини Нюйвы²⁹, поскольку она считается покровительницей брака, деторождения и семейного благополучия. Ей отведено отдельное святилище, и на находящемся там культовом изображении богиня держит в руке большой камень, с помощью которого ей предстоит починить сломанную опору небосвода. В другой руке у нее младенец – первое человеческое существо, которое она создала, смешав свою кровь с желтой глиной Желтой реки. Перед ее храмом стоит священный камень, к которому прикасаются женщины в надежде обзавестись детьми: это элемент глубинного мифологического пласта, аналоги которого можно обнаружить по всему миру.

В толпе всегда есть группы женщин, которые пришли сюда из основного святилища Нюйвы³⁰, расположенного примерно в тридцати километрах. Там заново отстроенный храм богини привлекает в праздники до 100 тысяч человек ежедневно, а сельские дороги делаются в такие дни непроезжими из-за восторженных толп и декорированных яркими лентами тракторов. Ярмарка в честь богини проводится на месте, где, по словам паломников, когда-то стояла деревня женщин. Здесь можно увидеть, как наиболее преданные верующие, предаваясь ритуальному танцу, впадают в транс. Считается, что в такие моменты сама Нюйва овладевает духом своих почитателей. Они воспевают «Небо и Землю, богиню и ее дочерей», а также, озвучивая ее мысли, восклицают нечто на непонятных языках, «в плясках и рыданиях, сквозь смех и слезы, сопровождая все действие дикими телодвижениями, дрящимися порой часами».

В празднествах Чжоукоу на первом плане также оказываются группы женщин в ярких одеждах, приготовленных местными землячествами специально по этому случаю; они исполняют ритуальные танцы под аккомпанемент барабанов и флейт. Наибольшим уважением пользуются старухи в черных нарядах, которые поют и пляшут, держа на плечах коромысла с корзинами цветов. По словам этих женщин, сама Нюйва научила их прародительниц этому танцу, и только женщины знают его особенности и умеют его исполнять. Еще один танец под названием «Змея сбрасывает кожу» состоит из волнообразных движений в честь животного символа

²⁸ Loewe (ed.) (1993), 347–356.

²⁹ Yang (2005) 170–175; Lewis (2006), 110–145; Pankenier (2013), 383–403; о ее связи с мифами плодородия – Lewis (2006), 121–125, и с бракосочетанием – 134–137.

³⁰ Интервью, проведенные в святилищах Хуайяна недалеко от Чжоукоу в апреле 2015 г. К моей записи песни добавлен текст, собранный в 1993 г. Ян Лихуэй и опубликованный ею в ее новаторской работе – Yang Lihui (2005). Храм Нюйвы в Ньедучжэне, провинция Хэнань, пережил масштабную реставрацию в 2016 г. Одним из аспектов женской культуры и там, и в Чжоукоу выступает письмо, которое напоминает *нюйшу* – «женское письмо», встречающееся только в уезде Цзяньюн на южной оконечности провинции Хунань. Его примечательные нитеобразные начертания передавались через названных сестер или от матери к дочери: <https://en.unesco.org/courier/2018-1/nushu-tears-sunshine>. Последняя жительница Хунани, владевшая *нюйшу*, умерла в 2004 г. См.: https://web.archive.org/web/20121104181654/http://news.xinhuanet.com/english/2004-09/23/content_2012172.htm. Исследование этого феномена – Idema (2009).

Нюйвы, уподобляющего ее змеиным богиням архаичной индийской религии. (Не исключено, что это косвенно указывает на доисторическое происхождение ее культа.)

Их проникновенные песнопения о сотворении мира поразительным образом перекликаются с космогоническими мифами древних греков:

Вспомни время в самом начале мира, когда повсюду царил хаос,
Не было ни небес, ни земли, ни человеческих существ.
Тогда бог неба создал солнце, луну и звезды,
Бог земли создал посева и траву,
И с разделением неба и земли хаос прекратился.
Затем появились брат с сестрой,
Фу-си и Нюйва, предки человечества...
Они породили сотни детей.
Таково происхождение всех нас – известных под сотней имен,
Живущих в этом мире.
Поэтому, хоть люди в мире и выглядят по-разному,
Все мы – одна семья.

На берегу озера на городских улицах паломники толпятся вокруг продуктовых палаток и открытых кухонь, где подаются мясные шарики и яйца, запеченные в углях с благовониями, – священная пища, которая, как полагают, обладает целительной силой. Паломники приносят с собой маленькие сумочки с землей родных деревень, которую они высыпают на погребальный курган, а взамен берут немного благословенной земли оттуда, чтобы увезти на родину. В сувенирных лавках продаются изготовленные из глазурованной керамики скульптурки божеств, а также сложенные в корзинки маленькие глиняные собачки и цыплята, выкрашенные в черный, красный и желтый цвета, – напоминания о легенде, согласно которой Нюйва из оставшейся после сотворения человека глины вылепила этих двух животных. Что касается самой богини, то, по словам женщин, «она – наша мать, а мы, народ *хань*, – одна семья, и поэтому здесь родовой очаг всего китайского народа».

В сегодняшнем Китае история во всех ее проявлениях – будь то «славные страницы» предложенного КПК воплощения «китайской мечты», уже закрепленные в школьной программе под рубрикой «Отечественные исследования», или же глубоко укорененная, цепкая и давняя культура сельского населения, – заново утверждает себя. Святилища, подобные вышеописанному, восстанавливаются по всему Китаю, а религиозные ритуалы возрождаются усилиями старшего поколения, для которого тридцать лет маоизма в конечном итоге оказались не более чем кратким мигом в многовековой летописи страны.

На первый взгляд подобные праздники могут показаться обычными постановочными мероприятиями, финансируемыми региональными бюро по туризму. В Чжоукоу веб-сайты храмов представляют паломничество как элемент «культурной самобытности, сплачивающий нацию», причем тот же мотив в наши дни неустанно акцентируется и китайскими властями. Да, сегодня проводятся и особые церемонии для представителей элиты, переформатированные на основе ритуальных наставлений, выпускавшихся до 1911 г. Так, на организуемых для местного начальства закрытых ночных действиях координатор обряда, как встарь, дирижирует движениями и жестами посвященных, каждый из которых подпоясан желтым шелковым поясом и держит в руках фонарь с трепещущим язычком пламени. Но ритуалы простых людей – совсем другое дело. Их возвратила к жизни память старшего поколения, и потому проводятся они почти столь же естественно, как в прежние времена. Люди заполняют пустоту, оставшуюся после того, как религию изгнали и отменили – сперва при республике, а затем при Председателе Мао. Они пытаются обрести в жизни духовное измерение, начисто уничтоженное

материализмом. После всех потрясений и преобразований последних восьмидесяти лет эти легенды и мифы, «старые обычаи, привычки и идеи» вновь предстают составной частью культуры. Конечно, сегодня они выглядят не так, как прежде, ведь разрыв был крайне болезненным, но тем не менее они живы и продолжают развиваться – обновляясь, но при этом сохраняя свою суть. Возможно, в этом метафорически отражается судьба всей традиционной китайской культуры в XX столетии.

В доисторический период на территории нынешнего Китая сосуществовало множество различных культур, пользовавшихся разными языками, – и это помимо по-прежнему актуального этнического и лингвистического раскола между севером и югом. Но за всеми этими различиями сохраняется глубинная преемственность общих черт: представлений о предках и патриархальных устоях, социальных нормах и поведенческих правилах, приоритете общественного над личным, семье и счастье. Они уходят корнями в глубокое прошлое, насколько можно судить по дошедшим до нас письменным источникам.

Каким же образом Китаю, в отличие от Европы, удалось развить в себе это чувство принадлежности к единой цивилизации с общей «культурой *хань*», общим «языком *хань*» и общей «письменностью *хань*», как сейчас говорят? И как удалось сберечь это чувство, несмотря на продолжительные и крайне болезненные периоды упадка, когда казалось, что бывшее единство утрачено навсегда? Можно сказать, что этот процесс, имеющий фундаментальное значение для самосознания китайцев, начался с объединения множества государств в единую державу в 221 г. до н. э. при Первом императоре Цинь Шихуанди. Этот деятель обрел всемирную славу благодаря своей гигантской гробнице неподалеку от города Сиань, которую охраняет Терракотовая армия. Но у деяний Первого императора была долгая предыстория. Ее обобщил Гу Цзуюй³¹ (1624–1680), историк и географ эпохи Цин, в замечательном ономастическом труде «Заметки о географических трактатах в исторических сочинениях», где предпринят филологический анализ возраста китайских топонимов. Гу рассматривал процесс их формирования как результат непрерывных войн, продолжавшихся целыми веками и сопровождавшихся завоеваниями и аннексиями одних государств другими. Если вставить в его текст западную систему датировок, то предлагаемая им картина китайской истории будет выглядеть следующим образом:

С доисторических времен, в эпоху мифического правителя Юя, то есть в начале легендарного государства Ся, первой династии [около 1900 г. до н. э.], существовало десять тысяч небольших государств. Во время основания Шан [около 1500 г. до н. э.] их было три тысячи, а когда Шан пала [1045 г. до н. э.], их все еще оставалось больше тысячи. Однако к концу Периода Весен и Осеней [476 г. до н. э.] государств под управлением локальных правителей (*чжухоу*) насчитывалось чуть более сотни, из которых сколько-нибудь значительными были всего четырнадцать. Затем при императоре Цинь [221 г. до н. э.] осталось только одно государство.

Разумеется, Бань Гу писал до того, когда современная археология и находки новых текстов произвели революцию в нашем понимании китайской истории. Но он предлагает нам модель, помогающую представить тот путь, по которому шло развитие китайского общества с эпохи неолита до Первого императора. Оно сопровождалось постепенным сосредоточением материальных ресурсов, технологий, письменности и административной власти в руках могущественных родов. В III тысячелетии до н. э., как показала современная археология, действительно существовали тысячи поселений и десятки небольших «государств», разбросанных вдоль рек центрального Китая, а также города, окруженные прямоугольными стенами из

³¹ К. С. Chang в Allan (ed.) (2005), 126.

утрамбованной земли, в каждом из которых был собственный правитель. Именно с этого периода будет начинаться наш рассказ.

Доисторические времена: Первые ростки цивилизации

На территории Китая люди жили с тех пор, как вид *Homo sapiens* впервые проник в Восточную Азию. Однако возникновение крупных деревенских поселений и появление организованных форм человеческого общежития в Китае произошло сравнительно поздно по общеисторическим меркам – позднее, чем в западных очагах древней государственности, таких как Египет и Месопотамия, где начиная с IV тысячелетия до н. э. шло бурное развитие монументальной архитектуры, письменности и городов. И на Индийском субконтиненте, в долине Инда, в III тысячелетии до н. э. уже существовали гигантские города, происхождение которых прослеживается вплоть до VII тысячелетия до н. э., когда в Белуджистане появились первые обнесенные стенами поселения. Подъем каждой из этих трех ранних цивилизаций, сопровождаемый резким популяционным ростом, стал возможен благодаря масштабной ирригации, которая впервые в истории человечества позволила кормить тысячи людей и даже производить излишки продовольствия. В Западной Азии это произошло до 3000 г. до н. э. – как сказано в шумерском Царском списке, «в то время, когда царская власть впервые снизошла с небес».

В наше время слово «цивилизация», подразумевающее «высокую культуру» с намеком на превосходство одной формы человеческого общества над другой, кажется несколько проблематичным. Однако стоит иметь в виду общие признаки цивилизации в том виде, в каком их определяют антропологи и археологи. С их точки зрения, к подобным признакам относятся города, технология бронзового литья, системы письменности, крупные церемониальные сооружения и храмы, монументальное искусство и социальные иерархии, опирающиеся на ту или иную форму законодательства и удерживаемые вместе военной силой, сосредоточенной в руках элит.

Эти черты присущи почти всем древним цивилизациям мира; лишь у инков отсутствовало собственное письмо. Но, разумеется, перечисленное составляет лишь материальные признаки, за которыми скрываются весьма различные по сути ценности каждой из культур. В Китае в доисторический период условия для роста поселений были менее благоприятны, а человеческие коллективы были рассеяны по гораздо большей территории, чем в Западной Азии и в долине Нила, а потому цивилизация и в материальном, и в культурном смысле этого слова начала развиваться позже. В IV тысячелетии до н. э. в рамках общности археологических культур долины Хуанхэ, получившей название Яншао, появились первые сельские поселения, границы которых нередко защищались рвами.

Позднее, с начала III тысячелетия до н. э., в так называемый период Луншань, благодаря демографическому взрыву возникло огромное количество мелких поселений, многие из которых были расположены в предгорьях к западу от долины Хуанхэ³². Некоторые из них были защищены стенами из утрамбованной земли и, вероятно, являлись центрами местной власти.

Около 2300 г. до н. э. появляются крупные огороженные поселения, самый яркий пример которых – недавно обнаруженный комплекс эпохи позднего неолита в Шимао³³, на одном из притоков Хуанхэ, где прямо сейчас проводятся археологические раскопки. Совсем рядом начинается пустынное плато Ордос, и эта территория как в экологическом, так и в культурном смысле была приграничной зоной, разделявшей Китай и Внутреннюю Азию.

³² Li Feng (2013); Liu Li (2004).

³³ Jaang Li et al. (2018), 1008–1022.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.